

СТИЛЬ

601865 000011

В 2001 году газета «Коммерсантъ» продолжит выпускать цветные тематические страницы. Подписчики получат специальные выпуски: «Дом», «Телеком», «Нефть», «Банк», «Туризм», «Стиль», «Интерьер», «Металлургия», «Рождество» и другие.

В феврале 2002 года в Москву на открытие своей первой персональной выставки в ГМИИ имени Пушкина «Peter Lindberg: Images of Women» прилетит легендарный фотограф моды Питер Линдберг. Грандиозный проект готовят кураторы выставки Гинда Хеек (Hinda Herc) и Иван Сержев (Ivan Sergeff), директор ГМИИ Ирина Антонова, компании Hugo Boss AG, Bosco di Ciliegi, ИД «Коммерсантъ», журналы Vogue/Italy и Vogue/Россия и радиостанция «Европа плюс». В эксклюзивном интервью НАТАЛИИ ОРЛОВОЙ автор знаменитых фотопортретов звезд ПИТЕР ЛИНДБЕРГ признался, что «всегда мечтал показаться в Москве, но не хотел появляться здесь в роли мертвого классика».

Питер Линдберг. Нашествие черного

— Вас называют поэтом гламура. Согласны ли вы с этим определением? И что вы думаете о современном glamour?
— Людям свойственно классифицировать художников. И это всегда представляет серьезную проблему. Ведь на самом деле художника трудно отнести к какой-то определенной категории. Особенно если он не мертвый классик и продолжает творить. К тому же понятие glamour можно понимать двояко. С одной стороны — это успех, большие деньги, дорогие украшения. Такой glamour меня никогда не интересовал: богатства для меня скучны. Но существует другое понимание glamour — и оно мне намного ближе. Это внутренняя изысканность, которая обычно работает не на показ, а как искусство. Именно это меня интересует. А внешний блеск не для меня. Я не хожу ни на какие выставки моды, шоу и прочие модные сборища. Я вообще с миром моды теперь не особо общаюсь. А что касается самого термина «поэт гламура», то Джорджо Армани, например, называет меня куда интереснее — поэтом-дальнобойщиком, подразумевая как раз то, что мне абсолютно чуждо стремление к внешнему.
— Вы обычно соглашаетесь с мнением редакторов, чьи заказы вам приходится выполнять? Или же вас раздражают их представления о моде?
— Вообще-то я сам ничего не понимаю в моде. Но в ней вообще, на мой взгляд, мало кто разбирается. Особенно журналисты, которые о ней пишут. В нашем обществе на данный момент вообще наблюдается передозировка всевозможными шоу и мнениями о них. Так что разобравшись в происходящем практически невозможно. Например, когда я еще ходил на модные мероприятия, ко мне после шоу одного известного дома подошел один известный критик и сказал: «Это было просто великолепно, не

так ли?» А буквально через минуту подошел другой эксперт со словами: «Более ужасного я в своей жизни еще не видел!» Это ясно показывает, что четких критериев в моде нет. Есть только внутреннее ощущение внутренней культуры.
— Есть что-то, чего вы никогда не сможете простить модной публике?
— Такого нет. Хотя на такие вещи я никогда не обращаю внимания. И сплетен не слушаю.
— В последние годы было опубликовано множество критических статей о модной фотографии. Ее часто упрекают в черноте, агрессии, называют порнографической и лишеной каких-либо тайн. Вы с такой оценкой согласны?
— Мода всегда отражает то, что происходит на данный момент. Я не отношусь к мейнстриму. Мейнстрим — это часто пропаганда определенных жизненных ценностей, определенного стиля жизни и определенного типа женщин. Например, Vogue, выходящий по всему миру, в каждой из стран пропагандирует что-то свое, ведь в Италии, Франции и Америке жизнь и типажу всегда представляются по-разному. Но есть ощущение, что сегодня все ожидают какого-то следующего этапа. В области модной фотографии уже все сделано. И каждый следующий шаг крайне труден. Все ожидает нового видения. Но если говорить обо мне, то я не изменился. Не стал более или менее порнографичным. Я творю так, как чувствую это. Например, после 11 сентября везде появились американские флаги и характерные улыбки. Но мне это не близко. Вообще о происходящем в жизни и в моде трудно рассуждать глобально. Каждый пропагандирует собственные ценности — и фотографии, и дизайнеры. Себя я отношу к более творческим натурам.
— Вы всю жизнь фотографируете знаменитостей, которых

пресса часто представляет капризными, буквально невыносимыми людьми. Как вы справляетесь с капризами клиентов?
— В молодости мне, конечно, приходилось иметь дело с капризными клиентами. Но теперь звезды уже меньше капризничают на моих съемках. Ведь это прежде всего создание их нового имиджа. А тут уж не до капризов! Хотя, когда клиенты не знают тебя и твоей манеры работы, они бывают капризны. Ненадолго. А бывает, ты приходишь — и безумно рады тому, что пришел именно ты, и у них появился реальный шанс продемонстрировать свою личность. Я формирую имидж — это то, о чем звезды больше всего пекутся.

— Как вы решили взяться за съемку календаря Pirelli?
— Все очень просто. Мне позволили и сказали: мы устали от всей этой дешевой сексуальности, от всех этих голых тел. Может, сделаешь нам что-нибудь свое? Я согласился. И сделал все, как я это вижу. Действительно, просто сексуальность сегодня — слишком скучно. Ведь то, что кто-то имеет прекрасное тело, — не его большая заслуга. Оно просто есть, а вот сделать что-то из него, сделать карьеру — это уже другое. Поэтому мы решили искать таланты. Я придумал фотографировать известных, талантливых и уже чего-то достигших женщин, а не показывать публике классные сиськи. Все были счастли-

вы моей идее и теперь называют мой календарь «по ту сторону обнаженности».
— Вы храните любимые фотографии?
— Я храню все свои работы. В моей парижской фотостудии.
— Большинство фотографов ведут замкнутый образ жизни. А вы?
— Я тоже полностью «отсоединен» от мира моды и всей светской тусовки. Не хожу на вечеринки, на модные показы и шоу. Уже почти пять лет. Как-то я понял, что все ходят на шоу просто ради самого шоу. Многие даже не могут высказать о нем своего мнения. А я человек независимый. К тому же источником вдохновения, личных переживаний и личных

проектов являются мои впечатления. В этом плане эти шоу мне ничего не дают. К сожалению, кроме самого шоу, там ничего не происходит.
— Вы дружите с тем, кого снимаете?
— Я поддерживаю связь только с теми, с кем работаю. Особенно с Армани, с которым я дружу уже более десяти лет.
— А бывает, что после съемок вы больше не желаете ничего слышать о вашем клиенте?
— Вообще-то я довольно мирный человек. Но мне приходилось работать с клиентами, которые не желали понимать, что от них требуется. Конечно же, я не устраивал им истерик и ссор. Но когда через год они звонили снова, я попросту вежливо им отказывал.
— Как долго вы собирались в Москву?
— Я сразу же сказал «да». Поехать в Москву — это великолепно! Гинда Хеек предложила мне это, и я не раздумывал ни секунды.
— Уже известно, кто из знаменитостей придет вместе с вами?
— Наверное, Линда Евангелиста и Надя Ауэрманн. Я говорил еще с некоторыми людьми, которые заинтересованы в том, чтобы приехать. Но сейчас пока трудно сказать, кто сможет это сделать. Это всегда решается в последнюю минуту. Точно такая же ситуация была с моей выставкой в Дюссельдорфе: в последний момент, к моему большому удивлению и радости других гостей, на ней появилась Тина Тернер. Хотя, когда мы ее спрашивали, сможет ли она это сделать, она практически отказалась, сославшись на занятость и концерты.
— Вы занимались рекламными проектами для многих ведущих домов. Вы принимали все предложения либо действовали избирательно?
— Невозможно работать для всех — всего слишком много. Поэтому приходится быть избирательным. Но я всегда стара-

юсь отбирать все самое лучшее и всегда работаю с итальянцами. И еще, когда мне звонят, то я стараюсь выбирать тех, кто мне более близок и с кем особенно приятно работать.
— А кто из мира моды близок вам по духу?
— Йоджи Ямамото, Кальвин Кляйн, Аззеддин Аллайя, Джон Галлиано... И безусловно, Джорджо Армани. Он сделал что-то невероятное для моды и оказал на меня большое влияние. Мне также очень нравится Донна Каран — неделю назад я закончил для нее пару проектов. Кстати, пару новых проектов я закончил и для Армани.
— Вам поступали предложения от Тома Форда?
— Есть люди, о которых знаешь очень много, но с которыми никогда не сталкиваешься. Форд великолепный финансист и отличный дизайнер, но мы с ним пока не встречались. Не сложилось. Хотя с многими из его окружения я уже долго работаю. Например, с Прада я работаю уже почти пять лет. Мне было бы интересно поработать с Фордом. И возможно, все еще впереди.
— У вас множество призов и наград. Какие для вас наиболее ценны?
— В моей жизни происходят порой забавные вещи. Например, есть один немецкий артистический клуб... Когда-то, живя в Германии, я всегда очень хотел войти в него. Этот клуб каждый год решает, кто станет его новым почетным членом. И вот лет пять назад меня наконец туда избрали. И это тронуло меня до глубины души. И еще, была у меня одна премия Raymond Loewy Foundation's Award, которую мне два или три года назад присудили не за фотографию, а за артистичность дизайнера... Представьте? Но, пожалуй, это два мои любимейших приза!

Подробнее на стр. 20.

СТРАНИЦА (18)

Школа злословия

СТРАНИЦА (21)

В поход за черным

СТРАНИЦА (25)

Полный уход

СТРАНИЦА (25)

Духи для кошек и котов

СТРАНИЦА (27)

Patek Philippe стал музеем

Вишневый сад 1903

Боско ди Чильеджи 1993

Черешневый лес 2003